

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣпникова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комп.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ.
съ доставкой. 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Весною. Стих. К. И. Бабикова. — Нашла коса на камень. Разсказъ А. М. Пальковского (окончаніе). — Миссъ Дэвистъ. Разсказъ Диккенса. — Изгн—подъ развалинъ лабиринта. — Моя тетушка. Очеркъ. Эксцентрика. — Сонъ. Фантазія. А. Бажанова. — Причина и слѣдствія (политипажи) К. И. Исакова. — Художникъ Пестровъ (политипажи) К. И. Рабуса. — Мелочи.

ВЕСНОЮ.

V.

Будемъ жить, другъ милый, для любви,
Позабывъ и горести, и слезы. . . .
Какъ тепло! какъ свищутъ солавы!
Зелень лугъ. . . . благоухаютъ розы! . . .

Тамъ вдали, журча, бѣжитъ ручей,
И въ саду склонился макъ пушистый
Къ резедѣ, и шепчетъ что-то ей,
И левкой красуется махровый. . . .

Все свѣжо, все радостно вокругъ!
Полонъ міръ любовью безконечной. . . .
Для чего жь сомнѣнія, мой другъ?
Будемъ жить мы, какъ цвѣты, безопасно!

И когда вдругъ ревности грозой
Наша жизнь на время омрачится, —
Благотворенъ дождь и громъ весной:
Все свѣжѣй, когда гроза промчится.

Милый другъ! мы бурю переждемъ,
А потомъ надъ нею жь посмѣемся. . . .
Можетъ быть, мы много слезъ прольемъ, —
Да за то мы жарче обьемся.

К. БАБИКОВЪ.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

(Эскизъ.)

(Окончаніе.)

— Ну вотъ мы теперь остались одни, произнесла Софья: — вы хотѣли что-то сказать мнѣ?

— Надѣюсь, вы уже знаете, о чемъ я буду говорить? сказалъ Лужининъ.

— Нѣтъ-съ, не знаю.

— Развѣ васъ не предупредили?

— Кто? и на счетъ чего?

— Полноте, Софья Николаевна! Вы шутите, а я хочу говорить съ вами серьезно и о дѣлѣ весьма важномъ.

— Сдѣлайте одолженіе: я слушаю васъ серьезно, отвѣчала Софья.

— Вчера я просилъ руки вашей у Николая Петровича, торжественно произнесъ Лужининъ.

— Благодарю за честь. . .

— Николай Петровичъ отвѣчалъ, что безъ вашего согласія онъ не можетъ дать мнѣ положительнаго отвѣта, но что съ своей стороны, онъ очень радъ имѣть меня своимъ зятемъ.

— Дальше-съ? . . .

— Дальше. . . зависитъ отъ васъ.

— Софья устремила на него проницательный взглядъ.

— Вы кончили? спросила она.

— Да, я кончила, отвѣчала Лужнинъ, конфузясь, не смотря на всю свою самоувѣренность, отъ взгляда Софьи.

— Значить — теперь моя очередь говорить... Ну, какъ вы думаете, Сергѣй Петровичъ, что я скажу вамъ: да или нѣтъ?

— Не знаю.

— Однако?

— Увѣряю васъ, что напередъ ничего не знаю.

— А!... Вотъ я васъ ловлю на словѣ: вы *напередъ* ничего не знаете... Какъ же, не зная *напередъ*, буду-ли я согласна или нѣтъ, вы дѣлаете мнѣ предложеніе? Ну если я откажу вамъ—неужели вамъ не будетъ совѣстно?... Я слышала, что порядочные люди даже денегъ не занимають, не зная навѣрное, что имъ дадутъ ихъ....

— Какой у васъ страшный взглядъ!

— У меня странный взглядъ?... А мнѣ такъ кажется что ничего не можетъ быть проще моего взгляда...

— Ясное дѣло, что начавши этотъ разговоръ, я хотѣлъ узнать—согласны ли вы быть моей женой или нѣтъ?

— Да развѣ это *такъ* узнается?... Я — дѣвушка бѣдная, безприданница, дѣвушка незнатная; слѣдственно, если вы, человекъ богатый, дѣлаете мнѣ предложеніе, значить, я вамъ нравлюсь. Но нравитесь ли вы мнѣ?— вотъ вопросъ.

— Мнѣ кажется....

— Что вамъ кажется? Вамъ кажется, что вы мнѣ нравитесь? быстро спросила Софья.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ причинъ, почему бы я не могъ вамъ нравиться.

— Напротивъ: есть много, даже *очень* много, рѣзко отвѣчала Софья, выведенная изъ терпѣнія самоувѣренностью Лужнина.

— Но вѣдь это — шутка, капризь...

— Нѣтъ-съ, вовсе не капризь.... Хотите, чтобъ я была съ вами откровенна?

— Я васъ прошу объ этомъ.

— Видите ли, я слишкомъ самолюбива, слишкомъ много думаю о себѣ, слишкомъ уважаю себя... Быть можетъ, это порокъ,—объ этомъ не спорю,—но я ужъ такова.

— Прекрасно; но я не знаю, что можетъ быть общаго между вашимъ уваженіемъ къ себѣ и моимъ предложеніемъ?

— Къ сожалѣнію очень много.

— Не понимаю... воля ваша — не понимаю! отвѣчала Лужнинъ, начиная дѣйствительно приходить въ недоумѣніе.

— Если хотите, я объясню вамъ, хотя мнѣ это весьма неловко, потому что я должна буду говорить не столько о себѣ, сколько о васъ, — а это, согласитесь, ставить меня въ довольно непріятное положеніе.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю! продолжалъ Лужнинъ.

— Я буду говорить прямо... Видите ли, у меня есть свой взглядъ на замужство, свои понятія... Быть можетъ, они невѣрны, но я до тѣхъ поръ не отступлюсь отъ нихъ, пока мнѣ не докажутъ, что они невѣрны... Впрочемъ, доказать это довольно трудно, прибавила Софья помолчавъ.

Лужнинъ посмотрѣлъ на нее во всѣ глаза: онъ никакъ не ожидалъ, что какая-нибудь Соничка Повольская, которой онъ (по его мнѣнію) *дѣлаетъ честь*, предлагая свою руку, станетъ говорить съ нимъ такимъ важнымъ тономъ.

— Я слушаю васъ, слушаю съ большимъ нетерпѣніемъ, Софья Николаева, отвѣчала Лужнинъ, небрежно откидываясь назадъ и кладя ногу на ногу.

— Впервыхъ, вы кажется, думаете, что дѣлаете мнѣ большую честь, большое одолженіе, предлагая свою руку?

Лужнинъ покоробился: онъ никакъ не думалъ, что Софья станетъ такъ презрительно къ нему относиться. Самолюбію его нанесенъ былъ смертельный ударъ. Не зная, что отвѣчать, онъ судорожно сорвалъ перчатку съ лѣвой руки и ждалъ, не глядя на Софью, что скажетъ она дальше.

— Если вы такъ думаете, продолжала Софья, то очень ошибаетесь.... Другая на моемъ мѣстѣ, пожалуй и сочла бы ваше предложеніе за большое для себя счастье, но я этого не могу. У меня — говорю вамъ откровенно — нѣтъ данныхъ считать себя счастливой, выйдя за васъ замужъ....

— У васъ будетъ любящій мужъ, будетъ состояніе, рѣшился наконецъ проговорить Лужнинъ.

— Мнѣ этого мало... На состояніе я нисколько не рассчитываю: я воспитывалась въ уѣздѣ, — къ роскоши и прихотямъ не привыкла... Я знаю, что жены обыкновенно разоряють своихъ мужей нарядами, выѣздами, балами: мнѣ не нужно ни того, ни другаго, ни третьяго... Вы вотъ бываете у насъ почти каждый день въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ — и, я думаю, могли замѣтить, что я постоянно хожу только въ кисейныхъ и ситцевыхъ платьяхъ. Такъ я буду дѣлать и выйдя замужъ, потому что тратить деньги на тряпки я считаю безнравственнымъ.

— Почему же безнравственнымъ, если у васъ будутъ средства одѣваться прилично.

Слово *прилично* Лужнинъ произнесъ съ особеннымъ выраженіемъ.

— Значить, по вашему, носить ситцевыя и кисейныя платья *не прилично*?

— Разумѣется, не прилично для женщины, имѣющей

состояніе... Ваша горничная тоже будет носить кисей-
ныя и ситцевыя платья...

— Такъ что же изъ этого? И прекрасно! Неужели я
должна отличаться отъ горничной только по платью?
Хорошо же вы обо мнѣ думаете!

Лужнинъ замолчалъ.

— Вотъ видите ли, Сергѣй Петровичъ, мы съ вами
расходимся даже на этомъ пустомъ пунктѣ; когда же
я выскажусь вамъ больше, то мы, конечно, еще больше
разойдемся.

— Платье... вѣдь это...

— Вы хотите сказать — бездѣлица? Положимъ, что
бездѣлица, но вѣдь она все таки характеризуетъ чело-
вѣка... Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, я на ваше состо-
яніе смотрю равнодушно, даже больше, чѣмъ равно-
душно...

— Однако вы забываете, что оно даетъ человѣку
вѣсь, не безъ гордости замѣтилъ Лужнинъ.

— Только не въ моихъ глазахъ. Я, знаете ли, рѣ-
шительно не понимаю, какимъ образомъ состояніе, при-
обрѣтенное чужимъ трудомъ, можетъ давать вѣсь чело-
вѣку... Скажите пожалуйста, на сколько вы стали луч-
ше, получивъ наслѣдство послѣ батюшки?

— Вы предлагаете такой странный вопросъ... запи-
наясь отвѣчалъ Лужнинъ.

— Нисколько не странный! Если состояніе, приобрѣ-
тенное не собственнымъ трудомъ, не личною дѣятель-
ностью, даетъ вѣсь человѣку, то я хочу знать, въ чемъ
же заключается этотъ вѣсь? Я понимаю, напримѣръ,
что бѣднякъ, составивъ себѣ состояніе честнымъ, благо-
роднымъ путемъ, не можетъ не быть умнымъ чело-
вѣкомъ, — но рѣшительно отказываюсь понять, на сколько
говорить за внутреннія достоинства человѣка богат-
ство, доставшееся ему по наслѣдству, богатство, въ при-
обрѣтеніи котораго онъ не принималъ никакого участія.

— Все это такъ... но вы разсуждаете слишкомъ по-
дѣтски.

— Не потому ли, что дѣти часто разсуждаютъ весь-
ма просто? ... Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, что бы вы ни
говорили, а своимъ состояніемъ меня не прельстите...
Притомъ вѣдь, выйдя за васъ замужъ, я должна буду
сдѣлаться помѣщицей, а къ помѣщичеству — вы изви-
ните меня — я питаю нѣкотораго рода отвращеніе: въ
моей головѣ, знаете ли, никакъ не укладывается мысль,
чтобъ человѣкъ имѣлъ право бесплатно, безошливно
пользоваться трудами другихъ людей.

— Опять дѣтскій взглядъ!

— Пусть дѣтскій, — но я смотрѣть иначе не могу.

— Значитъ, главной помѣхой дать согласіе на мое
предложеніе вамъ служить мое помѣщичество? съ иро-
ніей спросилъ Лужнинъ.

— Нѣтъ, не главной: благодаря Бога, мы живемъ те-

перь въ такое время, когда вы очень легко можете из-
бавиться отъ этого грѣха.

— То есть, отъ грѣха быть помѣщикомъ?

— Да.

— Идиллія, Софья Николаевна! Утрированная идил-
лія!

— Если такъ, то вотъ у насъ еще пунктъ расхож-
денія, уже болѣе серьезный... Право, мы съ вами ни-
когда и ни въ чемъ не сойдемся! Лучше — кончимъ
этотъ разговоръ. Вы мнѣ предлагаете вашу руку, — я
отвѣчаю вамъ, что не могу принять ее: и дѣлу ко-
нецъ!

Приходъ Марьи Васильевны прервалъ разговоръ.

Воспользовавшись случаемъ оставить Лужнина, Софья
ушла въ садъ, сказавъ, что она еще не видала сего-
дня своей гвоздики.

— Ну что, Сергѣй Петровичъ, что Соня? Говорили
вы съ ней? Согласна? спрашивала, не переводя духу
Марья Васильевна.

— Говорить-то говорилъ, да ни до чего не догово-
рился, отвѣчалъ Лужнинъ, совершенно сконфуженный
последними словами Софьи.

— Какже это такъ? растерявшись въ свою очередь,
спрашивала Марья Васильевна.

Картина богатой жизни, которую она рисовала не-
давно въ своемъ воображеніи, начала теперь блѣднѣть
исчезать мало по малу въ ея глазахъ, уступая мѣсто
представленію настоящей жизни, которая показалась
ей теперь еще бѣднѣе, еще хуже.

— Какже это такъ? Какже это? повторяла въ сму-
щеніи Марья Васильевна. Чтожь сказала она вамъ?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Просто — ничего... Я рѣшительно не понимаю ва-
шей дочери: у нея какія-то странныя, дѣтскія по-
нятія.

— Ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ! подтвердила Марья
Васильевна.

— Притомъ избалованный ребенокъ, заносчивый ре-
бенокъ! продолжалъ Лужнинъ, желая излить поскорѣе
накопившуюся внутри жолчь.

— Избалованный, избалованный! повторяла машиналь-
но Марья Васильевна.

— А все отъ того, что позволяете ей много читать...
Дѣвушкамъ нельзя много читать — это уже давнымъ
давно доказано и признано всѣми. Вотъ она начита-
лась теперь разныхъ глупостей — у нея и сдѣлался
хаосъ въ головѣ, такъ что съ ней сговорить трудно...
Женщинамъ не нужно читать, къ чему имъ читать: онѣ
никогда ничего не поймутъ толкомъ.

— Не поймутъ, не поймутъ! повторяла Марья Ва-

сильвна, занятая совершенно другимъ... Такъ какже, такъ таки она не согласилась? а?

— Право, не знаю — согласилась или нѣтъ. Она говоритъ, что не можетъ быть моею женою, но по такимъ смѣшнымъ причинамъ, что объ этомъ и говорить не стоитъ... Просто, капризничаетъ!

— Капризничаетъ, капризничаетъ! повторяла Марья Васильевна.

— Вы—мать, вы должны ей посовѣтовать, уговорить ее, — вѣдь ей дается кладъ въ руки, а она не хочетъ имъ пользоваться. Что ни говорите, а такихъ жениховъ, какъ я, немного въ нашемъ городѣ.

— Что и говорить, что и говорить!... Даетъ Богъ счастье, да сама отъ него отказывается... А ужъ какъ вы—то мнѣ поправились, Сергѣй Петровичъ: просто, какъ родной. Человѣкъ вы не пьющій, въ карты не играете, состоянія хорошаго, служба у васъ видная—всѣмъ женихъ! Просто благодать даетъ Господь!... Да что—жь съ Соней—то мнѣ теперь дѣлать? Вѣдь я ничего не знаю, ума не приложу!

— Поговорите съ Николаемъ Петровичемъ.

— Что Николай Петровичъ! Такой ли это человѣкъ! Она посмотритъ на него — у него и языкъ къ гортани прильнетъ!... Ей не такого отца нужно.

— Ну сами.

— Что я сама! гдѣ мнѣ самой! Она и слушать меня не станетъ. Она, я слышала, говоритъ, что у ней какія—то идеи есть.

— Вотъ эти—то идеи и губятъ насъ.

— Такъ она, такъ—таки и не согласилась, помолчавъ, опять спросила Марья Васильевна.

— Говорю вамъ, что не знаю.

— Да вы бы узнали, Сергѣй Петровичъ!... Узнайте—ка, голубчикъ мой! а?... Она теперь въ саду, вы подите къ ней — и узнайте... Право, подите къ ней, Сергѣй Петровичъ, — а я вамъ, покаместъ, вотрушечку испеку... Вѣдь вы любите вотрушки? а?...

Соничка ходила въ это время въ саду. Предложеніе Лужина и разговоръ съ нимъ ее нисколько не обезпокоили. Она все это предвидѣла и уже рѣшилась, какъ ей дѣйствовать. Она знала очень хорошо, что Лужинъ человѣкъ пустой, что говорить съ нимъ долго нечего, и предположила отдѣлать его хорошенько съ перваго же раза. Одно только безпокоило Соничку: она видѣла очень хорошо, что предложеніе Лужина весьма пріятно ея родителямъ и что они съ величайшимъ удовольствіемъ отдали бы ее за Сергѣя Петровича, еслибъ только она согласилась на это... А потому, какъ поступить въ этомъ случаѣ? Какъ согласить свои интересы съ интересомъ родителей? Выйти за Лужина — значить нарушать свои самыя священ-

ныя убѣжденія, не выйти—значить глубоко огорчить родителей, которые ея замужствомъ думаютъ поправить свое состояніе. Отъ того Соничка съ этой стороны была въ весьма затруднительномъ положеніи—и она долго обдумывала его, не зная, на что ей рѣшиться. «Родители мои—думала она—хлопочуть, главное о безбѣдной жизни,—Лужинъ нравится имъ потому, что богатъ, потому что, отдавши меня за него, они и сами будутъ имѣть пріютъ— и не станутъ такъ перебиваться со дня на день, какъ перебиваются теперь. Следственно, здѣсь главное дѣло въ деньгахъ. Но будто мое замужство съ Лужинимъ — единственное средство выйти изъ нужды? будто уже ничего не осталось, какъ продать меня богатому жениху, котораго я не люблю и не могу любить? Если родители мои считаютъ себя въ правѣ продавать меня, то я—то имѣю ли право соглашаться на эту продажу? Вѣдь, говоря серьезно, мы не въ такой же крайности, чтобъ прибѣгать къ такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Да еслибъ и такъ? Я лучше пойду въ гувернантку, въ магазинъ, буду отдавать все свое жалованье родителямъ,—по за то буду свободна, независима, останусь вѣрна своимъ убѣжденіямъ — и буду счастлива, потому что счастье есть внутренній миръ, есть довольство собою... Нѣтъ! ни за что, ни за что не соглашусь быть женою Лужина; съ нимъ я никогда не буду счастлива, потому что не могу ни любить, ни уважать его. Откажу ему, откажу наотрѣзъ, — а тамъ — будь, что будетъ». И Соничка отказала, какъ мы видѣли выше. — Но Лужину этого было мало. Онъ на столько былъ убѣжденъ въ своихъ достоинствахъ и въ значеніи своего состоянія для бѣдной дѣвушки, что считалъ рѣшительно невозможнымъ, чтобъ Соничка отказала ему серьезно. На ея отказъ онъ смотрѣлъ, какъ на капризъ, какъ на страшную выходку своеправнаго ребенка, — и потому, нисколько не стѣняясь, рѣшился еще разъ обратиться къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Соничку онъ засталъ въ саду. Она никакъ не ожидала его вторичнаго посѣщенія и преспокойно читала въ бесѣдкѣ. Увидя его, она крайне удивилась. Лужинъ замѣтилъ это.

— Вы, кажется, удивляетесь, что видите меня еще разъ? спросилъ онъ, садясь рядомъ съ Соничкой.

— Развѣ вы хотите сказать мнѣ еще что нибудь?... Вѣдь, кажется, у насъ съ вами разговоръ оконченъ?

— Въ томъ—то и сила, что не оконченъ. Не смотря на мою просьбу, вы все—таки не дали мнѣ рѣшительнаго отвѣта.

— Я давеча сказала вамъ все... Чего же вы еще отъ меня хотите?

— Вашего рѣшительнаго отвѣта.

— Вы странны!... Неужели, сказавъ вамъ, что я не

могу быть вашею женою, я не дала вамъ рѣшительнаго отвѣта? ... Какого же отвѣта вамъ нужно больше? ... Я васъ рѣшительно не понимаю, Сергѣй Петровичъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что мы другъ друга не понимаемъ, или не хотимъ понять.

Соничка молчала и перелистывала книгу.

— Все, что вы сказали мнѣ давеча, меня нисколько не удовлетворяетъ; я вижу во всемъ этомъ одинъ только капризъ. ... то же видитъ и ваша маменька.

— Маменька можетъ это видѣть; маменька моя женщина добрая, прекрасная, я ее глубоко люблю и уважаю, — но она женщина простая, она очень часто не понимаетъ меня и считаетъ иногда за капризы самыя законныя, самыя естественныя мои желанія. ... Но вы-то какимъ образомъ считаете за капризъ все, что я вамъ сказала? ... Вѣдь вы человѣкъ образованный, вы должны понимать меня. ...

— Не смотря на то, я васъ все-таки не понимаю.

Софья пожала плечами.

— Страшно!

— Ничего нѣтъ страннаго. ... Вашъ отказъ для меня гораздо страннѣе. ... Изъ нашего разговора я могъ вывести только одно заключеніе, что вы не можете быть моею женою, потому что я помѣщикъ. ... Ахъ, да! — забылъ еще, смѣясь прибавилъ Лужнинъ: и потому, что любите носить ситцевыя плагья, а я считаю это неприличнымъ для женщины съ состояніемъ. ... Согласитесь, что вѣдь это очень странно! ...

— Вы меня не понимаете, не понимали и никогда не поймете. ...

— У васъ, можетъ быть, есть другія, болѣе основательныя причины? спрашивалъ Лужнинъ.

— Да, Сергѣй Петровичъ, вы совершенно угадали: у меня, дѣйствительно, есть другія причины. ...

— Быть можетъ, вы любите другаго. ... Въ такомъ случаѣ, конечно. ...

— Нѣтъ, къ моему несчастію, я до сихъ поръ еще никого не люблю, потому что. ...

— Потому что?

— Не нахожу человѣка. ...

— Который бы васъ полюбилъ? ...

— Котораго бы я полюбила, энергически произнесла Соничка.

Лужнинъ прикусилъ языкъ.

— Чтожь нужно для того, чтобъ удостоиться вашей любви? спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ съ замѣтной ироніей.

— Вы напрасно такъ иронически спрашиваете меня: мои требованія слишкомъ законны, чтобъ смѣяться надъ ними. ...

— Я не смѣюсь; я только спрашиваю.

— Я удивляюсь вамъ, Сергѣй Петровичъ, вдругъ живо заговорила Соничка. У васъ нѣтъ искры самолюбія: вамъ отказываютъ, отказываютъ наотрѣзъ, а вы все-таки пристааете, все-таки добиваетесь, все-таки хотите поставить на своемъ. ... Скажите мнѣ: гдѣ ваше право на мою руку? ... Любовь? ... Я не люблю васъ! ... Уваженіе? ... Я не уважаю васъ! ... Состояніе? ... Я презираю ваше состояніе! ... Кто вы такой? ... Скажите мнѣ, кто вы такой? ... Женщина, отдавая свою руку, должна же знать, кому отдаетъ она ее. ... Вы, мужчины, отняли у насъ всѣ права, мы ничто предъ вами; но одного права вы не смѣете отнять у насъ: права выбрать мужа. ... Это наше всящное право, признаваемое даже закономъ, — и я, повѣрьте, ни за какія сокровища въ мірѣ не уступлю его. ... Я хочу видѣть въ своемъ мужѣ отраженіе своего я; я хочу, чтобъ онъ думалъ такъ, какъ я думаю, — чтобъ онъ поступалъ такъ, какъ я бы поступала. ... Я не претендую на общественную дѣятельность, предоставить которую хотятъ теперь женщинамъ. ... Я знаю, что это утопія. ... Я сознаю, что мое назначеніе — семья, что въ ней лежитъ задача моей жизни. ... Но я смотрю на мужа, какъ на своего представителя передъ обществомъ, — и потому хочу, чтобъ онъ былъ достойнымъ меня представителемъ, — чтобъ онъ значилъ что-нибудь, потому что я сама хочу что-нибудь значить, — чтобъ жизнь его имѣла смыслъ, имѣла цѣль, потому что съ его жизнью я соединяю свою, а безцѣльнаго существованія, бессмысленной жизни я не хочу для себя. ... Я хочу слить свои интересы съ интересами мужа. ... А вы можете ли удовлетворить моимъ требованіямъ? ... Кто вы такой? я васъ спрашиваю. ... Гдѣ ваша цѣль? гдѣ ваши интересы? ... Вы хотите дать мнѣ ваше имя, — что значитъ ваше имя? кто знаетъ его? чѣмъ заявили вы себя передъ обществомъ? ... Въ вашей жизни нѣтъ ни цѣли, ни смысла, вы живете паразитомъ, васъ кормятъ и одѣваютъ ваши несчастные шесть сотъ братьевъ, ваши крестьяне, вы живете на счетъ ихъ труда, ничего не дѣлая, ни о чемъ не заботясь — и вы смѣете предлагать мнѣ свою руку, смѣете настаивать, чтобъ я связала свое имя съ вашимъ?! ... Одумайтесь, Сергѣй Петровичъ! Вы не знаете меня, — вамъ не такую жену нужно! ...

Соничка гордо встала и вышла изъ бесѣдки.

Лужнинъ оставался нѣсколько минутъ, какъ ошеломленный, — потомъ тихо вышелъ изъ саду — и съ тѣхъ поръ нога его не была въ домѣ Повольскихъхъ.

МИССЪ ДЭВИСЪ.

(Разсказъ Джекенса.)

Самый длинный и скучный день въ моей жизни провель я въ рыбацкѣй деревнѣ Пенланриндольдови, въ Сѣверномъ Валлисѣ; въ названіи этой деревни есть еще много другихъ слоговъ, но я полагаю, что для практики и этого довольно. Тремадокская почтовая карета забросила меня туда въ субботу вечеромъ, потому что я побоялся начинавшагося дождя; но я твердо рѣшилъ, что въ понедѣльникъ утромъ тремадокская карета увезетъ меня назадъ, хотя бы съ неба падали, вмѣсто дождевыхъ капель, кошки съ собаками или даже валлійскіе кролики. Это я рѣшилъ за завтракомъ, въ воскресенье по-утру, и въ продолженіе цѣлаго дня все больше и больше утверждался въ своемъ намѣреніи, тѣмъ болѣе что кромѣ этого мнѣ совершенно нечего было дѣлать: день былъ дождливый и при томъ воскресный. Я не сомнѣваюсь, что селеніе Пенланриндольдови расположено въ одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей всего валлійскаго княжества; но вполнѣ убѣдиться въ этомъ я никакъ не могъ, по причинѣ дождя, который влажною и подвижною стѣной плотно окутывалъ всю деревню съ ея окрестностями. Я вѣрилъ на слово «карманному путеводителю», гласившему, что вершина горы Пеналлинъ величественно и грозно высится надъ этимъ селеніемъ; я не сомнѣвался и въ томъ, что Леквимскіе водопады гдѣ-то тутъ близехонько, и что до нихъ можно достигнуть кратчайшимъ путемъ на мулахъ, но только опасался, чтобы горный потокъ не воспользовался этимъ кратчайшимъ путемъ, дабы произвести наводненіе въ живописной деревушкѣ.

Селеніе было такъ близко къ домику, въ которомъ я находился, что звонъ маленькаго церковнаго колокола явственно былъ слышенъ сквозь порывы бурнаго вѣтра — точно какъ тихій голосокъ совѣсти, пробивающійся между порывовъ бурныхъ страстей человѣческихъ. Это сравненіе пришло мнѣ на умъ, при видѣ хозяйки дома, уже во второй разъ въ этотъ день отправлявшейся въ церковь (мимоходомъ сказать головной уборъ ея былъ такъ величественъ, что мнѣ все казалось, будто она уноситъ на головѣ колокольню); и отправлялась она, сколько я могъ разсмотрѣть — а разсмотрѣть я могъ довольно много — на парѣ толстыхъ, крѣпкихъ ногъ, оставляя меня наединѣ съ мужемъ своимъ, Априсомъ, да еще съ двумя Джеппи Джонесъ, не понимавшими ни слова по-англійски.

Что касается до литературныхъ произведеній, то въ домикѣ нашелся романъ одной изъ тѣхъ американскихъ писательницъ, которыя наперерывъ отбивали врата популярности и безсмертія, до тѣхъ поръ пока эти врата не заперлись окончательно за госпожею Би-

черъ-Стоу. (Впрочемъ на оберткѣ этого романа значилось, что онъ распроданъ въ количествѣ 60,000 экземпляровъ). Была еще другая книжка, медицинское изслѣдованіе «о болѣзняхъ уха», позабытое въ за-прошломъ году какимъ-то глухимъ путешественникомъ. Была тутъ также тетрадка бумаги, и гусиное перо, мягкой стороною котораго очевидно уже что-то покусали; я было попробовалъ написать что нибудь, но эта попытка кончилась тѣмъ, что перо я нечаянно изгрызъ, бумагу свернулъ мелкими складочками и въ печальномъ настроеніи своемъ не замѣтилъ, какъ истребилъ ее.

Можно было посвятить часы досуга еще одному занятію — (въ послѣдніе три — четыре часа я даже такъ и сдѣлалъ), а именно: уставить глаза на картинку, изображающую селеніе Пенланриндольдови à vol d'oiseau. Видъ этотъ повѣшенъ былъ надъ каминною полкой и подобно многимъ другимъ изображеніямъ этого рода — не представлялъ красотъ окружающей природы, между тѣмъ какъ публичныя зданія этого города (если можно дать ему такое названіе), равно какъ гостинница и маленькая пристань переданы были художникомъ со всевозможною точностію и подробностію. Судя по картинкѣ, маленькая церковь была очень красива, а массивная сѣрая башня ея, какъ нельзя болѣе шла къ окружающему гористому ландшафту. Зданіе рыбнаго рынка могло стать на ряду съ Петровскимъ рынкомъ острова Гервзея; были и еще два очень красивыхъ строенія, назначенія коихъ я никакъ не могъ угадать. Когда мистриссъ Априсъ возвратилась изъ церкви (причемъ я замѣтилъ, что ноги ея нѣсколько ослабѣли), я не преминулъ потребовать у ней объясненія этого пункта. Она сообщила мнѣ, что коттеджи съ дворами и садиками, выстроенные рядами, служили пріютомъ бѣднымъ вдовамъ и семействамъ рыбаковъ, погибшихъ въ морѣ, что довольно часто случается у здѣшнихъ береговъ; хозяйка увѣряла, что помѣщенія эти (родъ богадѣльни) очень хорошо и удобно устроены, и что хоть кому пріятно бы было доживать тамъ свой вѣкъ; потомъ, полагая вѣроятно, что это по моей части, прибавила: надъ внѣшними воротами есть даже латинская надпись: In memoriam, R. O. ob. 1825. Это миссъ Дэвисъ выстроила, и маленькій домикъ надъ пристанью тоже она выстроила, а въ немъ день и ночь огонь держутъ, и водку, и фланелевыя одѣяла, и чего-чего нѣтъ! Все за тѣмъ, чтобы оттирать и приводить въ чувство бѣдняковъ, которыхъ иногда вытаскиваютъ изъ воды.

— Батюшки мои! — сказалъ я очень хладнокровно, ибо такъ былъ сердитъ на Пенланриндольдови, что мнѣ казалось, по правдѣ, не стоитъ здѣсь и утопленниковъ спасать. — «Добрая должно быть особа.»

— Вотъ ужъ можно сказать, что добрая, сэръ! Безъ нея вѣрно не было бы у насъ, ни церкви, ни рынка.

— Ахъ Боже мой, мистриссъ Априсъ! воскликнулъ я,—надо знать, что я тогда былъ холостякомъ и подумывалъ иногда рискнуть на женидбу, но только въ такомъ случаѣ, если добавочныя статьи будутъ въ порядкѣ. — Боже мой, мистриссъ Априсъ, да эта миссъ Дэвисъ должна быть очень богата!

— Нѣтъ, сэръ, не очень; но вѣдь когда человѣкъ на себя ничего не тратитъ и живетъ только для другихъ, то въ тридцать лѣтъ, удивительно сколько добра можно сдѣлать!

— Въ тридцать лѣтъ, повторилъ я, снова впадая въ прежнюю безпечность. Что же, стало быть, она уже совсѣмъ старушка?

— Да, сэръ, но вы ее скоро сами увидите и тогда можете судить. Я удивляюсь, что это она до сихъ поръ нейдетъ? Сегодня вечеромъ она должна зайти непременно, по дорогѣ домой. Она живетъ одна, съ двумя служанками вонъ тамъ, на пригоркѣ, въ коттеджѣ.

Въ эту минуту я замѣтилъ совершенно неожиданно, что моя добрая хозяйка собирается поплакать; и такъ, чтобы перемѣнить разговоръ, я началъ:—«А какой хорошенькій долженъ быть видъ изъ ея окошекъ, на деревню и на море.»

— Ахъ, да, правда ваша! всхлинула хозяйка и слезы градомъ покатались по ея круглымъ щекамъ, наполняя маленькія ямки вокругъ рта, такъ что осушить эти слезы или остановить ихъ приличнымъ образомъ, подобало, по моему мнѣнію, лишь одному мистеру Апрису.

— Ахъ, грустные, тяжелые виды пришлось ей высматривать изъ своего окошечка, такіе грустные, что рѣдкой женщинѣ удавалось такіе видѣть!

— Боже мой! какая восхитительная—я хотѣлъ сказать, какая ужасная таинственность! сдѣлайте милость, мистриссъ Априсъ, расскажите... Но въ эту минуту, какъ добрая бабенка приготовлялась къ импровизациі, послышался стукъ въ двери.

— Тише! это она! сказала хозяйка и поплыла вонъ изъ комнаты на своихъ крѣпкихъ ножкахъ, подобно... подобно... но я рѣшительно не нахожу сравненія.

Могу сказать, что вообще я не очень любопытнаго нрава; но такъ какъ, по словамъ одного изъ новѣйшихъ философовъ, *надо же гдѣ нибудь остановиться*, то я и остановился у двери въ пріемную и даже заглянулъ въ щелку. Но въ ту же минуту почувствовала припадокъ живѣйшаго раскаянія и счелъ себя наказаннымъ по дѣламъ: ибо разговоръ хозяйки съ гостьею происходилъ на валлійскомъ нарѣчій, и къ тому же гостьѣ было на видъ, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ лѣтъ. Однако лицо ея сохранило не только слѣды удивительной красоты, но еще какую-то невыразимую пріятность и миловидность. Волосы ея были совер-

шенно бѣлы, а голубые глаза, хотя уже далеко не блестящіе, исполнены были нѣжности и выразительности. Голосъ ея былъ мягокъ и пріятенъ, какъ у молодой дѣвочки, и мнѣ показалось, что въ интонаціи ея замѣтна была привычка обращаться съ утѣшеніемъ къ больнымъ и страждущимъ. Ея глубокой трауръ ясно показывалъ, что сама она перенесла какое-то неисходное горе, и во всѣхъ чертахъ ея отразилась печаль, очевидно уже давнишняя, потому что лицо выражало полное спокойствіе и покорность судьбѣ,—какъ-будто глубокія борозды, проведенныя по ея жизни плугомъ несчастія, успѣли зарости благодатною зеленью милосердія и терпѣнія, которая скрыла слѣды жестокаго лезвья.

Я осторожно отступилъ къ камину и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ конца переговоровъ, потому что волею или неволей начиналъ сильно интересоваться исторіею Пенланриндольдови и маленькаго домика на пригоркѣ. Я взбилъ подушки на креслѣ, придвинулъ къ нему даже скамеечку, для вящаго удобства маленькой мистриссъ Априсъ; потомъ разсудивъ, что хозяйинъ, быть можетъ, нѣсколько ревниваго темперамента, пожелаетъ присутствовать при бесѣдѣ моей съ его женою, я и для него поставилъ стулъ противъ очага. Я только что погрузился въ размышленія о томъ, какой бы напитокъ могла предпочитать моя любезная хозяйка, какъ вдругъ она сама вошла съ подносомъ, на которомъ приготовленъ былъ для меня чай.

— Будьте такъ добры, сказалъ я, потрудитесь принести другую чашку.

Мы усѣлись за чайный столикъ и за этой уютной трапезой она рассказала мнѣ всю исторію.

— Случилось такъ, начала она, что изъ всѣхъ дней въ году, сегодняшній приличнѣе, чтобы говорить объ этомъ печальномъ происшествіи. Я было позабыла число — чего, конечно, не сдѣлала ни одинъ бѣднякъ во всемъ селеніи — но какъ только увидала миссъ Елену, такъ и вспомнила. Она съ ранняго утра сегодня обошла всѣхъ вдовъ и сиротъ, утѣшала ихъ, — а теперь пошла домой, въ одинокую свою горницу.

Хотя во весь день злилась буря и небо было пасмурно, но во много домовъ миссъ Елена разносила съ собою успокоеніе и свѣтъ Божій, а въ рыбацкихъ хижинахъ на взморьѣ, гдѣ живутъ такіе люди, которыхъ съ перваго взгляда можно принять за скотовъ безсловесныхъ, много теперь людей, готовыхъ жизнь свою положить за нее — все за доброе ея слово и милостивую помощь. Особливо заботится она о тѣхъ, которые пострадали отъ морской бури, потому что сама день и ночь печалится о томъ, который погибъ въ волнахъ океана; а больше всего хлопочетъ за молоденькихъ рыбаковъ и рыбацкихъ дѣвушекъ, которые любятъ

другъ друга — она за нихъ и съ родителями переговорить, и дорожку имъ позолотить, чтобы не трудно было молодежи первое время перебиваться;—все оттого, можетъ быть, что когда-то се самое любила одинъ человекъ, и она его любила — да и знаетъ теперь, какъ ково разставаться съ милымъ человекѣмъ.

— Любезнѣйшая мистриссъ Априсъ, прервалъ я ее, мнѣ кажется, что это чуть ли не будетъ любовная исторія, а потому позвольте мнѣ на минуту сбѣгать навѣрхъ, за моими туфлями: ручаюсь вамъ, что тотчасъ возвращусь и впредь уже не буду васъ прерывать. Но мнѣ показалось, во-первыхъ, что повѣствованіе ваше будетъ довольно длинно, а во-вторыхъ — признаюсь, что никогда не могу достаточно вникнуть въ иѣжныя чувства и отношенія, пока на мнѣ сапоги.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗЪ-ПОДЪ РАЗВАЛИНЪ ЛАБИРИНТА.

Одинъ глубокомысленный антикварій, неутомимо трудящійся надъ монографіей о критскомъ лабиринтѣ и на мѣстѣ отыскавшій несомнѣнные слѣды развалинъ древнѣйшихъ критскихъ храмовъ, увѣичалъ свои чудесныя открытія прочтеніемъ нѣсколькихъ подписей на камнѣ, проливающихся новыи свѣтъ на исторію Мипосовъ. Полное объясненіе мива о полу-человѣкѣ и полубыкѣ и о дивномъ зданіи — есть покуда секретъ антикварія, а теперь съ его согласія, имѣю честь сообщить «для *Развлеченія*» небольшой отрывокъ, въ которомъ приблизительно объясняется историческій смыслъ древней аллегоріи.

Подъ лабиринтомъ, пишеть антикварій, должно разумѣть не что иное, какъ человѣческую жизнь—подобіе, и донинѣ повторяемое во всѣхъ родахъ краснорѣчія; подъ Мипотавромъ—современное Мипосамъ общество, частью критское, частью аѣинское. Жертвы, поглощаемыя Мипотавромъ—это воспитанники и воспитанницы критскихъ и аѣинскихъ учебныхъ заведеній, которыя по своему разнообразію можно уподобить нашимъ школамъ, университетамъ, лицеямъ, институтамъ, корпусамъ, гимназіямъ и проч. Во всемъ этомъ не было недостатка; ибо Мипосы обращали особенное вниманіе на воспитаніе юношества, какъ на главную основу государственнаго благоденствія.

Всѣ упомянутыя заведенія были доведены до совершенства и ежегодно выпускали отличныхъ учениковъ и ученицъ. Но направленіе современнаго общества совершенно противорѣчило цѣли воспитанія. Въ тогдашнемъ обществѣ укоренились роскошь, сибаритство, алчность къ золоту и удовольствіямъ, несправедливость, словомъ всѣ пороки.

Оно сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ Мипотавра для молодого поколѣнія и въ короткое время заражало его своими развращенными склонностями, такъ что трудъ педагоговъ оставался безъ результатовъ; общество, какъ бы съ животною лютостью Мипотавра, поглощало юныя жертвы, т. е. внушало имъ свои господствующія правила. Вчерашній прилежный студентъ, тотчасъ по выходѣ изъ университета, бросалъ книги и гопаля за аристократическимъ шикомъ; строго выдержанный кадетъ, доучившись до чина, просиживалъ потомъ дни и ночи за картами, или ухаживалъ за любезными дамами и дѣвицами; Аристидъ въ юридической школѣ терялъ всякій стыдъ и совѣсть въ качествѣ судьи; воспитанница института, награжденная первою золотою медалью, забывала все для моды и разсѣянья, наконецъ бывали примѣры, что юноши, являвшіе опыты неимовернаго усердія и истинной любознательсти такъ гибли въ алчной пасти этого общества—Мипотавра, что теряли всякое уваженіе къ тѣмъ, кто имѣлъ бы право напомнить имъ, что они заблуждаются. Наконецъ явился Тезей... Но скромность запрещаетъ мнѣ продолжать объясненіе мива, содержащееся въ монографіи антикварія.

МЕЛОЧИ.

Знаменитый живописецъ сэръ В. Алланъ, нарисовавшій для герцога Веллингтона картину сраженія при Ватерлоо, явился къ герцогу за полученіемъ условленной платы. Герцогъ, взявъ пакетъ ассигнацій, началъ отсчитывать: «десять фунтовъ, двадцать фунтовъ, тридцать...»

— Не угодно-ли будетъ, Ваша Свѣтлость, дать мнѣ записку къ вашему банкиру: быть можетъ, для васъ это будетъ удобнѣе...

— И не говорите мнѣ про это, отвѣчалъ Веллингтонъ: я не хочу, чтобы мой банкиръ зпалъ, что я дѣлаю такія глупости, платя за картину 1200 фунтовъ. Получите ваши деньги и — никому ни слова объ этомъ.

Одна кухарка сдирала кожу съ живаго угря, котораго пужно было приготовить для кушанья. Барыня, увидавъ это, стала бранить ее за такую жестокость. «Э, сударыня, отвѣтила кухарка, — будьте покойны, я ужъ двадцать лѣтъ такъ дѣлаю и эта рыба ужъ къ этому привыкла.

Адамъ и Евва были самые счастливые супруги: у нихъ не было ни тещи, ни свекрови, ни домашняго друга.

— Мой портретъ, нарисованный художникомъ N, до того похожъ на меня, сказалъ одинъ шутникъ, что я три раза въ недѣлю долженъ брить его.

ПРИЧИНА И СЛѢДСТВІЯ.

(К. И. Исакова.)

Мужикъ. Чтожь ты, любезнѣйшій, налилъ только половипу.

Цѣловальникъ. Нынче водка дорога стала: самимъ въ убытокъ.

Откупщикъ. Ну? и теперь не пьютъ?

Прикащикъ. Не пьютъ, сударь, да и баста!

Откупщикъ. Господи! да что-жь это такое! вѣдь этакъ нищимъ можно сдѣлаться! Ну, давай хоть даромъ, только чтобъ попробовали: а тамъ ужъ опохмелиться заироятъ.

МОЯ ТЕТУШКА.

(Очеркъ).

Иногда мысль, блуждая въ необъятномъ пространствѣ вселенной, вдругъ столкнется съ воспоминаніемъ о комъ нибудь, пожалуй и близкомъ по родственному чувству, но все-таки неприятомъ. Тогда дѣлай, что знаешь, сворачивай съ дороги, сколько хочешь въ сторону — все напрасно... Радъ ли, не радъ, воспоминаніе погоняетъ воспоминаніе и въ памяти начинаетъ рисоваться предметъ сначала не ясно, какъ бы въ туманѣ, потомъ ясье и ясье и наконецъ фотографія готова. Полное, отчетливое, законченное, но уже не живое изображение моей тетушки Аграфены Михайловны представилось моей памяти, воображеніе дополнило пробѣлы и портретъ предъ вами...

Вообразите себѣ женщину лѣтъ семидесяти, почти большаго роста, съ зелеными кошачьими глазами, съ сѣдыми бровями, съ лицомъ полнымъ и сытымъ, съ манерами самыми утонченными, съ улыбкою ироническою, по временамъ добродушною, въ темномъ платьѣ съ высокимъ воротомъ и оборочкомъ изъ рюшу, съ руками значительнаго объема и фіолетоваго цвѣта съ китайскою, по ея выраженію, пожкою, которая сдѣлала бы честь любому Преображенцу — и вы знаете мою тетушку. А душевныя ея свойства? спросить читатель. Душевныя ея свойства.... задача, признаться.... я долгое время подозрѣвалъ, что душа моей

тетушки находится въ безсрочномъ отпуску.... Но, говоря правду, покойница тетушка моя была премилая женщина въ особенности, когда спала или молчала, первое съ нею случилось не рѣдко, но второе, увы! никогда. Я жилъ съ нею въ теченіе полугода и она надѣла на меня до такой степени, что представить себѣ почти нѣтъ никакой возможности. День начинался у ней съ десяти часовъ утра. Въ это время она покидала свое безмятежное ложе и внезапно предавалась всемъ мірскимъ суетамъ и тревоженіямъ. Прежде всего страдали ея горничныя, которыхъ она называла самыми неприличными эпитетами. Эти названія отъ частаго употребленія обратились для ея горничныхъ въ имена собственные. Чтобы понять весь процессъ перекрещиванья приведу примѣръ. Самую приближенную изъ ея горничныхъ звали Степанидой, но тетушка звала ея *Стешкой* и то, когда находилась въ хорошемъ расположеніи духа, чаще же Степанида именовалась родихой, кучерихой, и еще нѣсколькими столь-же благозвучными именами и не то чтобы это было въ тихомолку, нѣтъ, даже и при гостяхъ. Тетушка вообще не любила стѣсняться. Утромъ, возставъ отъ сна и побранивъ немножко Степаниду, она усердно читала молитвы, что не мѣшало ей однакожь ругать и бранить кого слѣдуетъ и снова браться за святцы, снова молить Святителей о ниспосланіи ей здоровья и хорошихъ людей. Но видно святые отцы плохо понимали ея моленья и въ цѣлую жизнь она не имѣла хорошихъ людей, а все какихъ-то

мерзавцевъ и мерзавокъ, какъ она выражалась. Тетушка была престранная женщина: бывало пошлетъ что-нибудь купить, ну хоть десятокъ яблоковъ.

Принесутъ.

— Что заплатилъ, косою песь?

— Тридцать копѣекъ, Аграфена Михайловна, отвѣчаетъ лакей, нисколько не смущаясь давнымъ ему названіемъ.

— Ахъ ты, воръ, мошенникъ! песи назадъ въ лавку, носи сейчасъ. Я тебя приказываю, слышишь?

И человекъ беретъ яблоки и бормочетъ себя подъ носъ, что ему эта жизнь падошла и будетъ ли когда ей конецъ.

— Ты еще бормочешь, мерзавецъ! Поди сюда, закричить тетушка, выходя изъ себя, и давъ собственноручно нѣсколько пощечинъ виновному, отправляла его назадъ въ лавку; ея лакей, получивъ даяніе отъ руки боярской, отправлялся, проклиная въ душъ свою барыню, и лавочника, и яблоки, и весь свѣтъ. Тетушка моя была очень добрая женщина: разъ въ мѣсяцъ она отправляла или человекъ, или горничную для очищенія отъ прегрѣшеній къ частному приставу съ записочкой, въ которой упоминалось, что такой-то или такая-то, мерзавецъ или мерзавка, преестественная воровка и чтобы онъ, то-есть частный приставъ, уважилъ ея просьбу и отсчиталъ бы имъ горяченькихъ побольше, а что она, то-есть Аграфена Михайловна, не забудетъ его въ праздники; что она и исполняла свято и даже въ духовномъ своемъ завѣщаніи, предоставляя все племянницѣ, оговорилась, чтобы не забывать по годовымъ праздникамъ частныхъ приставовъ, ибо люди они бѣдные и взять имъ неоткуда. Во всемъ такъ и блеститъ христіанская душа моей тетушки! Особенно часто любила покойница представлять изъ себя несчастную, почти нищую. «Скоро пожалуй придется по міру идти: все въ родныхъ прожила», говаривала она; но я готовъ поклясться, что никто изъ родныхъ не видалъ отъ нея мѣдной полушки, и что у ней по крайней мѣрѣ было тысячь двѣсти серебромъ. Добрая душа была моя покойница тетушка Аграфена Михайловна! Миръ праху твоему дивная женщина!!! Ты умерла, следовательно окончила свой расчетъ съ міромъ, назначивъ около пятидесяти тысячь по монастырямъ и церквамъ! Остальное ты предоставила племянницѣ, этой мученицѣ, которая тридцать лѣтъ жила съ тобою, добрая тетушка. Она промѣняла свою бѣдную, но цвѣтущую молодость на безразсвѣтное гореваніе съ тобою и теперь паграждепа. Но развѣ можно возвратитъ юность за деньги, прочувствовать и испытать то, что доступно только молодости; конечно для нея это теперь невозможно, за то она можетъ ненужные дни своей старости усыпать золотою пылью и подъ нею забыть о несбывшихся надеждахъ, о невозвратномъ счастіи. Последнія мысли навѣялъ на меня богатый памятникъ надъ могилою моей тетушки. Онъ сдѣланъ весь изъ каррарскаго блага мрамора и наверху на немъ стоитъ литое изъ бронзы изображеніе ангела, обратившаго въ молитву глаза свои къ небу... что значитъ этотъ ангель? Неужели изображеніе жизни праведной тетушки. Если это такъ, то невольно скажешь, что это злая иронія.

Однако грѣхъ осуждать покойницу. Въ семьдесятъ пять лѣтъ не только у женщинъ, да и у мужчинъ часто захо-

дитъ умъ за разумъ. Во многомъ была несправедлива тетушка, но во многомъ и справедлива, такъ Степенида не даромъ называлась родихой и кучерихой. Основаніемъ для этихъ названій послужило не совсѣмъ честное поведеніе горничной. Но зачѣмъ было ее держать при себѣ? Этого, признаться, я никакъ не могу понять. Много есть странностей на бѣломъ свѣтѣ; у одного дурная привычка, у другого заученая поговорка, у третьяго... ну да не переберешь... Я помню одного лысаго педагога, который, при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ: «а по какому праву и по какому произволу ты сегодня не выучилъ урока? а? Смотри, ужъ поговорю съ тобой о политикѣ?» Не правда ли фраза въ сущности нелѣпая?... а другой кривоногій наставникъ... но и этого другаго нѣтъ въ живыхъ. Миръ праху вашему, великіе дѣятели на поприщѣ просвѣщенія.

Покойтесь, доблестные мужи,
Пока раздастся трубный гласъ!
А человечеству не хуже,
Что мы остались безъ васъ. —

Эксцентрикъ.

С О Н Ъ.

(Фантазія.)

Странный сонъ мнѣ нынче снился.
Вижу я: старикъ маститый,
Но прекрасный, вдругъ явился,
Миртой, розами увитый;
Что-то въ родѣ двухъ сандалій
На ногахъ надѣто было,
И лицо отъ вакханалій
Не совсѣмъ еще остыло;
Веселье: видно, что съ похмелья,
Виноградъ въ полѣ хитона...
Я узналъ пѣвца веселья
И любви Анакреона.
Все дышало простотою,
Все въ немъ было такъ безопасно.
Шею мнѣ обвивъ рукою,
Онъ сказалъ: «Ты съ книгой вѣчно!»
«На тебя смотрѣть мнѣ больно.
«Все ученье, да ученье!
«Почулся — и довольно!
«Надо-жь спать и развлеченье.
«Часъ за часомъ гонять Оры, ¹⁾
«Смертныхъ вовсе не жалѣя.
«Наливай-ка изъ амфоры
«Въ чашу чудный сокъ Ліэя! ²⁾
—Гдѣ мнѣ взять амфоры, чаши?
Пей вотъ рюмкою простою
Откупныя вина наши,
Разведенныя водою. —
Онъ взглянулъ и отвернулся.

¹⁾ Оры — богини времени.

²⁾ Ліземъ назывался Вакхъ, рѣшитель скорбей.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ И ДОСТОВѢРНАЯ ИСТОРИЯ,

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ЗНАМЕНИТЫЙ ХУДОЖНИКЪ ПЕСТРОВЪ НАЧИНАЕТЪ И ОКОНЧИВАЕТЪ КАРТИНУ СЪ НАТУРЫ.

(К. И. РАБУСА.)

Пестровъ изучаетъ четвероногую природу.

У Пестрова ушла натура.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

И по цвѣту—то ужь даже,
Знать, ему не присянулся
Сокъ большой цѣны въ продажъ.
—«Поведи меня скорѣе
«Ты на оргію большую!
«Жить, такъ жить ужь веселѣ!
«Тамъ я славно попирую.» —
Мы пришли. Старикъ смѣется.

—«Посмотри, какъ въ пляскъ рзвой
«Съ дѣвой юноша несется,
«Полупьяный, полутрезвый.
«Шумъ и гамъ; трясутся стѣны,
«Звуки смѣшанные льются...
«А вонъ тамъ, смотри, силены
«Возлѣ пимфѣ пестройныхъ выются.
«Плясокъ не было страннѣе

«И въ родной моей Элладѣ.
 «Гдѣ мы, гдѣ? — Скажи скорѣе!»
 —Мы у Нѣмцевъ въ маскарадѣ.
 Эти пляски — вальсъ и полька,
 Новомодные все тапцы;
 Не силены тамъ, а только
 Пожилые ипоностранцы.
 —«Что же это за хитоны
 «Узко такъ на нихъ надѣты?»
 —Это фраки, панталоны,
 Одпобортные жилеты.
 —«Съ виду будто все шальные,
 «Кругъ веселья ихъ такъ тѣсенъ!...
 «Дай я имъ спою инья
 «Изъ моихъ веселыхъ пѣсенъ!
 «Дай тряхну здѣсь стариною!
 «Пѣсней наша жизнь согрѣта.
 «Пой и ты, мой другъ, со мною!»³⁾
 —Пѣть, насъ выведутъ за это.
 Пѣть здѣсь, видишь, не пристойно.
 Удержись, имѣй терпѣнье!
 Не шуми и стой спокойно!
 А коль хочешь слушать пѣнье,
 Лучше оперой большою
 Пасладимся; самъ маэстро
 Мнѣ знакомъ и намъ съ тобою
 Мѣсто дастъ въ углу оркестра. —
 Мы вошли. Я восхищался
 Превосходнѣйшимъ дуэтомъ,
 Либреттистъ мнѣ показался
 Даже истиннымъ поэтомъ.
 Славно такъ артисты пѣли...
 Вдругъ сказалъ онъ мнѣ въ полтона:
 —«Что-жъ не вижу я свирѣли,
 «Ни пектидъ⁴⁾, ни барбитона?⁵⁾
 «Ими я стяжалъ бы лавры
 «На судъ царя Мидаса.»⁶⁾
 —Вмѣсто нихъ у насъ литавры,
 Два большіе контрабаса,
 Скрипки, трубы да кларнеты...
 —«Ахъ, смотри, смотри! Что это?»
 —Это сыпятся букеты —
 Знакъ восторга и привѣта.
 —«И въ Элладѣ такъ бывало!
 «Что-жъ такъ холодны ихъ лица?
 «Что гетера⁷⁾ гнущься стала?»

³⁾ Этотъ стихъ цѣликомъ взятъ изъ его пѣсни *къ розѣ* (*εις ρόδου*).

⁴⁾ Пектида — родъ лютни.

⁵⁾ Барбитонъ — лира, любимый инструментъ Анакреона.

⁶⁾ Царь Мидасъ судилъ игру на флейтѣ Аполлона и пастуха Марсія и отдалъ преимущество послѣднему.

⁷⁾ Гетеры — женщины вольнаго поведенія, которыя пѣли и танцевали на ширахъ.

— Не гетера, а пѣвица,
 Или лучше — примадонна
 На привѣты отвѣчаетъ
 И предъ всеми благосклонно,
 Вотъ, какъ видишь, присѣдаетъ.
 —«Угловаты какъ движенья!
 «Станъ свой гнетъ она напрасно;
 «Но античнаго сложенья,
 «Полногруда и прекрасна.
 «Губы будто у Ваеилла⁸⁾
 «Такъ и просятъ поцѣлуя...
 «Ну точь-въ-точь моя Мирилла!⁹⁾
 «Дай ей сердце предложу я!
 «Я любить еще съумѣю.»
 —Ты ей сдѣлаешь обиду.
 —«Чѣмъ же? Мы почтимъ вѣдь съ нею
 «И Эрота и Киприду.»
 —Ни Киприды, ни Эрота
 Не почититъ; нужна ей плата:
 Нынче вѣкъ у насъ разсчета,
 Надо денегъ, надо злата.
 —«А въ Элладѣ беззаботно;
 «Но разумно, сладко жили; —
 «Все гетеры такъ охотно
 «Старика меня любили;
 «Денегъ было имъ не нужно; —
 «Нуженъ былъ имъ миръ отградный,
 «Гдѣ подъ пѣсни пили дружно
 «Сокъ Ліэя виноградный.» —
 И, вздохнувъ, исчезъ. — Мы правы! —
 Я твердилъ четыре слова:
 «Вѣкъ иной, иные нравы» —
 И взялся за книгу снова.

А. Баженовъ.

Одинъ плантаторъ, вышедъ зѣвая изъ своего дома, увидѣлъ двухъ негровъ, своихъ невольниковъ.

— Какъ ихъ зовутъ? спросилъ онъ своего зрителя за невольниками.

— Орестомъ и Пиладомъ, сэръ.

— Орестъ удивительно похожъ на Пилада.

— А мнѣ кажется, сэръ, что Пиладъ болѣе похожъ на Ореста.

— Да, твоя правда, отвѣчалъ плантаторъ, протирая глаза.

⁸⁾ Ваеилъ — любимый отрокъ Анакреона, которому онъ посвящаетъ цѣлую пѣсню.

⁹⁾ Мирилла — красавица, воспѣтая также Анакреономъ.

Редакторъ *Θ. Миллеръ.*